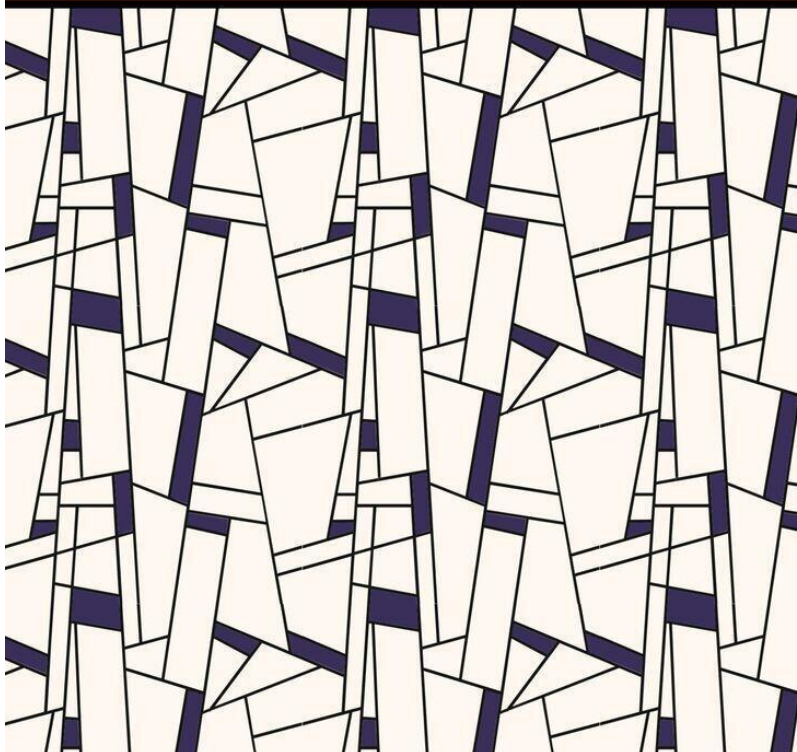

12+

НИК НИЛ

**Когда небо стало пеплом:
история одной любви**

Ник Нил

**Когда небо стало пеплом:
история одной любви**

<https://litres.ru/74401688>

ISBN 9785007113083

Аннотация

Мир рухнул, небо затянуло пеплом, но среди холода и опасности расцветает чувство, дающее силы бороться. Лена и Артём защищают не только лагерь, но и свою любовь — опору в рушащемся мире. Рядом растёт Катя: она записывает не беды, а добрые поступки — и в этих строках живёт надежда. Смогут ли герои сохранить человечность и друг друга? История о выживании, заботе и свете, который не гаснет даже под пепельным небом.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Когда небо стало пеплом: история одной любви

Ник Нил

© Ник Нил, 2026

ISBN 978-5-0071-1308-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ник Нил

Когда небо стало пеплом: история одной любви

Пролог

Город затих не сразу. Сначала он просто стал тише: меньше машин, реже гудели сирены, реже слышался смех из открытых окон. Потом тишина начала давить. Она не была мирной — она была тяжёлой, будто воздух стал гуще и каждое слово приходилось проталкивать сквозь невидимую преграду.

Всё началось с новостей, которым никто не верил. Потом — с пустых полок. Потом — с закрытых дверей. А потом пришёл пепел. Он сыпался с неба серым дождём, оседал на подоконниках, забивался в щели, ложился на плечи прохожих, словно пытался стереть их с лица земли.

В тот вечер я стояла у окна и смотрела, как гаснут огни — один за другим, как будто кто-то щёлкал выключателем по всему району. Где-то далеко завывала сирена, но звук быстро утонул в тишине. Я знала, что это уже не тревога — это прощание.

И тогда в дверь постучали. Не грубо, не настойчиво — так стучат те, кто боится, что им не откроют. Или те, кто сам не хочет входить.

Я открыла. На пороге стоял он — в куртке, покрытой тонким слоем пепла, с тёмными кругами под глазами и взглядом, в котором было столько усталости, что мне захотелось просто закрыть дверь, обнять его и сказать: «Всё будет хо-

рошо». Но я не могла этого сказать. Потому что не знала, правда ли это.

Он шагнул внутрь, не спрашивая разрешения, и тихо произнёс:

— Электричество скоро кончится. Надо уходить.

Я кивнула, хотя не хотела уходить. Здесь был мой дом, мои книги, мои чашки, моё окно, из которого я столько лет смотрела на город. Но город больше не был тем, что я знала. Он стал чужим.

— Куда? — спросила я.

Он пожал плечами, будто сам не знал, и сказал:

— Туда, где ещё есть свет.

Мы не знали, что впереди нас ждёт не свет, а тьма. И что именно в этой тьме мы научимся видеть друг друга.

Глава 1

Мы вышли из дома на рассвете, хотя рассвета почти не было видно. Небо затянуло серой пеленой, сквозь которую солнце пробивалось тусклым пятном, похожим на бледную монету. Пепел кружился в воздухе, оседал на волосах, скрипел на зубах. Я натянула шарф до самых глаз и старалась дышать через ткань, но запах гари всё равно проникал внутрь — горький, металлический, въедающийся в кожу.

Артём — так звали того, кто постучал в мою дверь, — шёл впереди, сжимая в руках рюкзак, в котором едва уместились пара банок консервов, бутылка воды и старый фонарик с почти севшими батарейками. Он двигался быстро, будто боялся, что город вот-вот рухнет прямо на нас. Может, так и было.

— Держись рядом, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — В одиночку тут нельзя.

Я хотела спросить, откуда он знает, что тут вообще можно, а что нельзя, но промолчала. В его голосе было что-то такое — не приказ, а забота, спрятанная за жёсткостью. Как будто он уже потерял кого-то и теперь не хотел потерять ещё и меня.

Район, в котором я жила, почти опустел. Редкие фигуры мелькали в переулках, исчезая за углами, как тени. Иногда из приоткрытых дверей доносились голоса, обрывки фраз,

чей-то плач. Один раз мы увидели старика, который сидел на ступеньках подъезда и держал в руках фотографию. Он не смотрел на нас, будто весь его мир сжался до этого маленького кусочка картона.

— Что случилось? — не выдержала я, когда мы прошли мимо.

Старик поднял глаза, и в них было столько пустоты, что у меня сжалось сердце.

— Всё, — просто сказал он. — Просто всё.

Артём потянул меня за рукав:

— Не надо. Не останавливайся.

Мы шли к окраине, где, по словам Артёма, ещё могли работать какие-то пункты эвакуации. Или хотя бы дороги, по которым можно было уехать. Но чем дальше мы уходили от центра, тем меньше оставалось признаков жизни. Машины стояли брошенными, двери магазинов были распахнуты, витрины разбиты. Кто-то пытался выжить, кто-то — урвать последнее.

На перекрёстке мы наткнулись на группу людей, которые спорили у костра. Дым смешивался с пеплом, и воздух становился ещё тяжелее. Один из мужчин кричал, размахивая руками:

— Мы не можем просто сидеть и ждать! Надо идти, пока ноги носят!

Женщина рядом с ним плакала, прижимая к себе ребёнка, который смотрел на всё это огромными, немигающими

глазами.

— А куда идти? — кричала она. — Везде одно и то же!

Я почувствовала, как у меня внутри всё сжалось. Хотелось подойти, сказать что-то утешительное, но слова застревали в горле. Что можно сказать, когда рушится целый мир?

Артём снова потянул меня в сторону, уводя от этой сцены: — Здесь нам не помогут.

Мы свернули в переулок, и тут я заметила, что он замедлил шаг. Его взгляд зацепился за что-то на земле — маленький плюшевый медвежонок, наполовину засыпанный пеплом. Игрушка выглядела нелепо среди всей этой разрухи, как осколок чьей-то прошлой, спокойной жизни.

Артём наклонился и поднял его, стряхнул пепел и сунул в карман.

— Для кого? — спросила я тихо.

Он не ответил сразу, только сжал губы и пошёл дальше. А потом, уже не глядя на меня, произнёс:

— У меня была сестра. Маленькая. Она любила таких медведей.

Мне захотелось сказать, что я понимаю, но я не понимала. Я не знала, каково это — терять кого-то в таком хаосе. Я только знала, что сейчас, в этом переулке, среди руин и пепла, этот медвежонок был для него чем-то важным. Чем-то, что связывало его с тем, что было до.

К полудню мы добрались до окраины. Город обрывался резко, как будто кто-то провёл черту: за ней начинались по-

ля, серые от пепла, и дорога, уходящая вдаль, туда, где небо казалось чуть светлее.

Артём остановился, посмотрел по сторонам и наконец выдохнул:

— Здесь. Отсюда можно попробовать уйти.

Я остановилась рядом с ним, чувствуя, как дрожат ноги от усталости и напряжения. Ветер шевелил волосы, срывая с них пепел, и я вдруг поняла, что впервые за долгое время чувствую себя живой. Не потому что всё было хорошо — а потому что мы всё ещё шли. Мы не сдались.

— Ты думаешь, там есть кто-то? — спросила я, глядя на дорогу.

Артём пожал плечами:

— Не знаю. Но если есть хоть один человек, который ещё верит, что можно жить дальше... значит, и нам есть ради чего идти.

Мы стояли на границе старого мира и того, что ждало впереди. И в этот момент, среди тишины и пепла, я поняла: любовь — это не только про нежность и слова. Иногда любовь — это просто идти рядом, когда весь мир рушится, и не отпускать руку.

Мы сделали шаг вперёд.

Глава 2

Дорога за городом оказалась обманчиво спокойной. Поля, покрытые тонким слоем пепла, выглядели как выцветшие фотографии — серые, безжизненные, будто кто-то стёр с них все краски. Ветер гнал по земле сухие комья, и они шуршали, как шаги невидимых существ. Я старалась не смотреть на эту пустоту слишком долго: она начинала казаться бесконечной.

Артём шёл чуть впереди, время от времени проверяя старый компас, который достал из рюкзака.

— Он ещё работает? — спросила я, стараясь перекрыть ветер.

— Работает, — коротко ответил он. — Главное, чтобы мы не шли по кругу.

Я невольно усмехнулась, хотя смеяться было нечему. В этом новом мире даже простая мысль о том, что можно просто ходить кругами, казалась пугающей.

К полудню мы дошли до заброшенной автозаправки. Здание покосилось, окна были выбиты, а на асфальте валялись ржавые обломки. Но рядом с ним стояла старая будка охраны — маленькая, покосившаяся, но целая.

— Здесь можно передохнуть, — сказал Артём, оглядываясь. — И спрятаться, если начнётся буря.

Буря. Я даже не сразу поняла, о чём он. А потом вспом-

нила, как утром по радио, пока оно ещё работало, говорили про усиление ветра и пылевые штормы. Теперь это звучало не как прогноз погоды, а как приговор.

Внутри будки пахло пылью и старым деревом. На полу валялись обрывки газет и пустые банки. Артём достал фонарик и посветил в угол — там лежала стопка старых журналов. Я присела на корточки, провела пальцем по обложке и вдруг почувствовала, как сильно мне не хватает обычного мира: кофе по утрам, разговоров ни о чём, запаха свежей выпечки.

— Не думай об этом, — тихо сказал Артём, будто прочитал мои мысли. — Если начнёшь скучать по тому, что было, не сможешь идти дальше.

Я подняла на него глаза:

— А ты не скучаешь?

Он помолчал, потом сел рядом, опершись спиной о стену.

— Скучаю. Но я стараюсь помнить не то, что потерял, а то, ради чего ещё стоит жить.

В этот момент я поняла, что он говорит не просто так. В его голосе была не бравада, а усталость, смешанная с решимостью. И эта смесь делала его сильнее.

Мы просидели в будке почти час. За окном ветер становился всё злее, поднимая с земли вихри пепла. Когда Артём выглянул наружу, его лицо стало серьёзным.

— Надо уходить. Буря будет сильной.

Мы вышли как раз в тот момент, когда небо потемнело, будто кто-то резко опустил занавес. Пепел полетел горизон-

тально, жая кожу, забиваясь под одежду. Я натянула шарф на лицо, но он почти не помогал.

— Держи мою руку! — крикнул Артём, протягивая ладонь.

Я схватила её крепко, до побеления костяшек. Мы шли, почти не видя дороги, ориентируясь только на голос друг друга и на ощущение тепла в сцепленных пальцах.

И вдруг впереди мелькнул свет. Не яркий, не праздничный — тусклый, дрожащий, как огонёк свечи.

— Там кто-то есть! — закричала я, и мой голос утонул в рёве ветра.

Артём кивнул, не отпуская моей руки:

— Пойдём туда.

Глава 3

Свет шёл из маленького домика на краю поля. Он стоял одиноко, будто его забыли снести, когда вокруг строили новые кварталы. Окна были завешены плотными шторами, но сквозь щель пробивался тёплый жёлтый луч.

Когда мы подошли ближе, дверь приоткрылась, и на пороге появилась женщина лет пятидесяти. В руках у неё была керосиновая лампа, и её свет делал лицо женщины одновременно добрым и усталым.

— Заходите, — сказала она, не дожидаясь вопросов. — Буря не шутка.

Мы вошли, и тепло ударило по коже, как мягкое одеяло. В комнате пахло сушёными травами и хлебом. На столе стояли чашки, а в углу тихо гудел маленький обогреватель.

— Меня зовут Марина, — представилась женщина, закрывая дверь на засов. — А вы кто такие?

Артём посмотрел на меня, будто давая право говорить первой.

— Мы... просто идём вперёд, — ответила я, снимая шарф. — Не знаем, куда точно. Просто подальше отсюда.

Марина кивнула, будто это было самое обычное объяснение в мире.

— Тут недалеко есть посёлок. Говорят, там организовали что-то вроде лагеря. Если буря утихнет, я могу вас прово-

дить.

— Спасибо, — выдохнул Артём. — Мы очень устали.

Пока Марина наливала нам горячий травяной чай, я заметила на полке фотографию: молодая женщина в военной форме и мальчик лет десяти.

— Это ваша семья? — спросила я осторожно.

Марина посмотрела на снимок, и её лицо на мгновение стало совсем другим — мягче, уязвимее.

— Да. Дочь и внук. Они уехали в первый день, когда всё началось. Я осталась... не знаю почему. Наверное, надеялась, что всё вернётся.

Я хотела сказать что-то утешительное, но слова снова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнула, и этого оказалось достаточно.

Ночью буря выла так, что казалось, дом вот-вот унесёт ветром. Мы сидели у обогревателя, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло. Марина рассказывала истории о том, как раньше здесь было шумно и весело, как летом дети бегали по полям, а осенью собирали яблоки. Её слова звучали как заклинание, будто она пыталась вернуть прошлое хотя бы голосом.

А потом она вдруг замолчала, посмотрела на нас и сказала:

— Знаете, самое страшное не в том, что мир рушится. Самое страшное — это когда ты остаёшься один и не слышишь чужого голоса.

Я посмотрела на Артёма. Он сидел, опустив голову, но его пальцы слегка касались моих — не навязчиво, просто чтобы чувствовать, что я здесь. И в этом прикосновении было столько смысла, что мне захотелось плакать.

Утром буря утихла. Пепел лежал ровным слоем, как снег после метели. Мы вышли на крыльцо и увидели, что горизонт стал светлее. Не потому что мир стал лучше, а потому что тьма немного отступила.

Марина дала нам с собой хлеб и бутылку чистой воды.

— Идите к посёлку, — сказала она. — Там люди. А людям сейчас нужно держаться вместе.

Мы поблагодарили её, и я вдруг поняла, что хочу запомнить её лицо — доброе, уставшее, но не сломленное.

— Ты веришь, что там будет лучше? — спросила я у Артёма, когда мы снова пошли по дороге.

Он посмотрел на меня и впервые за всё время улыбнулся — не широко, а так, будто сам удивился, что ещё может улыбаться.

— Не знаю. Но я верю, что мы дойдём.

И я поверила ему. Потому что иногда вера — это просто кто-то, кто идёт рядом и не отпускает твою руку.

Глава 4

До посёлка оставалось ещё несколько километров, но дорога будто нарочно становилась всё труднее. То и дело попадались брошенные машины, перегородившие путь, приходилось обходить их по обочине, где земля была рыхлой и ноги проваливались по щиколотку. Пепел, осевший на траве, поднимался облачками при каждом шаге и оседал на одежде серым налётом.

Я уже почти не чувствовала холода — он стал частью меня, как и усталость, как и этот постоянный, въедающийся в лёгкие запах гари. Но с каждым километром внутри росло странное чувство: не надежда даже, а какое-то упрямое нежелание сдаваться. Будто сам факт, что я иду, уже был маленьким, но очень важным протестом против всего, что случилось с миром.

Артём шёл молча, и это молчание больше не казалось мне тяжёлым. Оно было рабочим: он высматривал опасности, прислушивался к звукам, проверял, не дрожит ли горизонт от далёких вспышек. Иногда он оборачивался, чтобы убедиться, что я не отстала, и в этих коротких взглядах было столько заботы, что мне становилось теплее, даже когда ветер пробирался под куртку.

— Почти пришли, — вдруг сказал он, не останавливаясь.
— Вон там, за лесополосой, должны быть первые дома.

Я посмотрела туда, куда он кивнул, и увидела тонкую полосу крыш, едва выступающих над деревьями. Они выглядели странно — не как спасение, а как что-то чужое, насто-роженное. Но это были крыши. А значит, там могли быть люди.

Когда мы вышли к окраине посёлка, стало ясно, что здесь тоже не всё спокойно. На въезде стоял самодельный блок-пост — груда бетонных блоков, ржавые бочки и натянутая поперёк дороги цепь. Рядом виднелись следы костров, а на столбе висела выцветшая табличка с надписью: «Стой! Кто идёт?».

— Не нравится мне это, — тихо пробормотал Артём. — Слишком тихо.

Он остановился, жестом велел мне держаться позади него и сделал несколько шагов вперёд, подняв руки, чтобы показать, что у него нет оружия.

Из-за баррикады вышли трое. В руках у одного был старый охотничий карабин, у другого — лом, третий просто стоял, сжав кулаки, и смотрел на нас с насторожённой усталостью.

— Кто такие? — спросил тот, что с ружьём. Голос у него был хриплым, будто он давно не говорил или слишком много кричал.

— Мы из города, — спокойно ответил Артём. — Идём к вам. Слышали, тут лагерь организовали.

Мужчина прищурился, будто пытался разглядеть в Артё-

ме что-то ещё, кроме слов.

— Лагерь есть. Но мы не всех пускаем. Тут ресурсы на счету.

Я хотела шагнуть вперёд, но Артём едва заметно покачал головой — мол, не сейчас.

— Нам не нужно много, — сказал он. — Только вода, место, чтобы передохнуть. И узнать, что тут происходит.

Один из мужчин, тот, что помоложе, фыркнул:

— Тут происходит то же, что и везде. Мир рушится. А мы пытаемся не дать ему рухнуть прямо у нас под ногами.

Старший снова посмотрел на нас, потом на дорогу за нашими спинами, будто ждал, что оттуда вот-вот появится целая толпа. Наконец он опустил ружьё — не до конца, но уже не целился прямо в нас.

— Ладно. Проходите. Но держитесь ближе к центру. И без глупостей.

Мы прошли мимо блокпоста, и я вдруг почувствовала, как у меня дрожат колени — не от усталости, а от того, что напряжение, державшее меня в тонусе последние часы, наконец начало отпускать.

Посёлок оказался не таким безжизненным, как я боялась. В некоторых дворах горели костры, возле одного из них сидели люди, кутаясь в одеяла. Дети, которых было на удивление много, бегали между домами, смеялись и тут же замолкали, будто сами пугались собственного смеха. По улицам ходили патрули — обычные люди с фонарями и палками,

которые теперь стали их оружием.

Нас привели в большой дом, который служил штабом. Внутри было тепло, пахло горячим чаем и сушёными яблоками. За столом сидел мужчина лет сорока, с усталыми, но внимательными глазами. Его звали Игорь, и он был тем, кто координировал жизнь лагеря.

— Рассказывайте, — коротко сказал он, когда мы сели напротив. — Откуда, что видели, сколько вас было.

Артём рассказал всё — про город, про бурю, про домик Марины. Я добавила про пустые улицы и старика с фотографией. Игорь слушал, кивая, иногда делая пометки в потрепанном блокноте. Когда мы закончили, он откинулся на спинку стула и вздохнул.

— У нас тут около двухсот человек. Есть вода из скважины, есть запас еды, но его надолго не хватит. Мы стараемся держаться вместе, потому что поодиночке не выжить.

— А что дальше? — спросила я, сама удивляясь, что задаю этот вопрос.

— Дальше — будем жить, — просто ответил Игорь. — День за днём.

Глава 5

Нас поселили в старой школе, которая теперь служила общежитием. В спортзале стояли раскладушки, спальные мешки, ящики с припасами. Люди жили здесь семьями, небольшими группами, кто-то один — и во всём этом была странная, выстраданная гармония. Никто не кричал, не спорил без причины; каждый звук, каждое движение казались слишком ценными, чтобы тратить их впустую.

Мне выделили место рядом с окном, за которым виднелся школьный двор, покрытый пеплом. Артём устроился неподалёку, но я знала, что он не уйдёт далеко — будет где-то рядом, проверять, всё ли в порядке, разговаривать с людьми, узнавать, как тут устроена жизнь.

Вечером я вышла во двор, чтобы немного подышать свежим воздухом. Небо было тёмным, но не чёрным — оно словно впитало в себя всю серую пыль мира и теперь светилось тусклым, болезненным светом.

Ко мне подошла девочка лет двенадцати, в вязаной шапке, которая сползала ей на глаза.

— Ты новенькая? — спросила она, не стесняясь.

— Да, — улыбнулась я. — Меня зовут... — я запнулась, будто имя вдруг стало чем-то личным, почти сокровенным. — Просто Лена.

Девочка кивнула, будто это было самое обычное имя на

свете.

— Я Катя. Тут сначала страшно, а потом привыкаешь. Главное — не оставаться одной. У нас тут все друг за друга держатся.

Она показала мне небольшой сад за школой — там росли кусты смородины и несколько яблонь. Листья были покрыты пеплом, но на ветках всё ещё висели ягоды — мелкие, тёмные, но настоящие.

— Мы их собираем, — сказала Катя. — Хоть какая-то еда. И ещё травы сушим. Мама говорит, что они помогают не болеть.

Я сорвала одну ягоду, положила в рот — она была кислой, почти горькой, но в этой кислинке было столько жизни, что у меня защипало глаза.

— Спасибо, что показала, — тихо сказала я.

Катя пожала плечами, но улыбнулась:

— Тут все всё друг другу показывают. Так проще.

Вернувшись в спортзал, я увидела Артёма. Он сидел на краю раскладушки и разговаривал с пожилым мужчиной в тёплом свитере. Когда я подошла, мужчина кивнул мне и ушёл, оставив нас вдвоём.

— Тут неплохо, — сказал Артём, глядя на меня так, будто хотел убедиться, что со мной всё в порядке. — Организовано. Люди стараются.

— Да, — согласилась я. — Тут есть жизнь. Не такая, как раньше, но есть.

Он помолчал, потом протянул мне маленький свёрток.

— Это хлеб. Немного, но лучше, чем ничего.

Я взяла его, чувствуя, как тепло от свёртка переходит в мои пальцы.

— Спасибо.

Мы сели рядом, не слишком близко, но и не далеко — так, чтобы слышать дыхание друг друга. В спортзале было шумно: кто-то тихо разговаривал, кто-то укладывал детей спать, кто-то перебирал вещи. Но среди этого шума было что-то, что делало его не раздражающим, а почти уютным — ощущение, что ты не один.

— Знаешь, — вдруг сказала я, глядя в темноту за окном, — я раньше думала, что любовь — это когда всё хорошо. Когда можно гулять по парку, пить кофе, смеяться над пу-
стяками.

Артём чуть улыбнулся, но ничего не сказал, давая мне до-
говорить.

— А теперь я думаю, что настоящая любовь — это когда мир рушится, а ты всё равно стоишь рядом. Держишь за руку. Не даёшь упасть.

Он взял мою руку — не крепко, но уверенно, так, что я почувствовала: он не отпустит.

— Тогда, наверное, я тебя люблю, — просто сказал он. — Потому что не хочу, чтобы ты падала.

Я не стала отвечать громкими словами. Вместо этого я просто придвинулась чуть ближе и положила голову ему на

плечо. И в этот момент, среди чужих голосов, чужого тепла и чужого, но теперь уже немного своего мира, я поняла: мы нашли место, где можно дышать. И, возможно, даже жить.

Глава 6

В лагере жизнь шла по своим новым, жёстким законам. Дни стали похожи друг на друга, как серые камешки на дороге: подъём до рассвета, проверка запасов, дежурства, короткие разговоры, в которых люди старались не произносить слов «навсегда» и «конец». Но именно в этой рутине Лена начала замечать, как по-разному люди держатся за жизнь. Кто-то цеплялся за старые привычки, кто-то пытался создать новые, а кто-то просто старался не смотреть слишком далеко вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.